

О.А. Селеменова, П.С. Потехина
O.A. Selemenewa, P.S. Potekhina

МИФОТОПОНИМИЯ И.А. БУНИНА-ХУДОЖНИКА

MYTHOLOGICAL TOPONYMS OF I.A. BUNIN-ARTIST

В статье поднимается вопрос состава и функций мифотопонимов в художественном наследии И.А. Бунина. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, пристальным вниманием ученых к топонимии бунинских текстов, с другой – анализом исключительно двух групп топонимов: реальных и литературных. В качестве третьей группы единиц, вербализующих индивидуально-авторскую картину мира, в статье рассматриваются мифотопонимы. Сближаясь с литературными топонимами признаком отсутствия референта в реальной действительности, они не являются принадлежностью исключительно индивидуально-авторской картины мира Бунина и отсылают к текстам этнических мифов, философско-религиозных учений иудаизма, христианства, ислама, восточнославянского фольклора. Установлено, что в прозе и поэзии писатель использует разные по семантике и структуре группы мифотопонимов. По семантике выделены мифомакротопонимы, мифохоронимы, мифоинсулонимы, мифоойконимы, мифооронимы, мифопетронимы, мифодримонимы, мифогидронимы, а по структуре – простые и составные мифотопонимы. Выделенные единицы упорядочиваются в единую систему на базе отношений контекстуальной синонимии и антонимии. В качестве продуктивного способа образования мифотопонимов в художественных текстах Бунина отмечен регулярный переход апеллятивов в имена собственные; зафиксированы случаи межвидовой трансонимизации мифотопонимов. Авторы приходят к выводу, что выделенные в художественной картине мира писателя мифотопонимы участвуют в построении пространственно-временного континуума, конструировании художественных образов-локусов; создании характера персонажа; отсылают к известным мифологическим или религиозно-философским сюжетам; репрезентируют ключевые бинарные оппозиции.

Ключевые слова: художественная картина мира И.А. Бунина, мифотопоним, семантика, семантическая деривация, парадигматические отношения, функция.

The article raises the question of the composition and functions of mythological toponyms in I.A. Bunin's artistic heritage. The relevance of the topic is due, on the one hand, to the close attention of scientists to the toponymy of Bunin's texts, on the other hand, to the analysis of exclusively two groups of toponyms: real and literary. In the article, we consider mythological toponyms as the third group of units that verbalize the individual author's toponymic picture of the world. Mythological toponyms are close to literary toponyms due to the absence of a referent in real life, but at the same time, mythotoponyms do not belong exclusively to Bunin's individual author's picture of the world, as they refer to texts of ethnic myths, philosophical and religious teachings of Judaism, Christianity, Islam and East Slavic folklore. It is

established that in prose and poetry, the writer uses groups of mythological toponyms that differ in semantics and structure. According to the semantics, we have identified mythological insulonyms, oikonyms, oronyms, petronyms, dreamonyms, hydronyms and according to structure – simple and composite mythological toponyms. All mythological toponyms are ordered into a single system based on the relations of contextual synonymy and antonymy. In the analyzed literary texts, the regular transition of appellatives into mythological toponyms is noted as a productive way of formation of mythotoponyms; and the examples of interspecific transonymization of mythological toponyms are also recorded. The authors come to the conclusion that the mythological names highlighted in Bunin's artistic picture of the world participate in the construction of a space-time continuum, the construction of artistic images-loci; the creation of the characters of heroes; refer to the well-known mythological or religious-philosophical plots; represent the key binary oppositions.

Key words: I.A. Bunin's artistic picture of the world, mythological toponym, semantics, semantic derivation, paradigmatic relations, function.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-68-74

Внимание филологов к исследованию поэтических ономастиконов отечественных и зарубежных писателей во второй половине XX в. – первой четверти XXI в. обусловлено во многом принципом антропоцентризма с его установкой на изучение языковых фактов в тесной связи с человеком, окружающим его миром, духовно-практической деятельностью, культурой. Одной из ключевых семантических групп художественных онимов являются топонимы. Они выступают функционально-семантическими знаками, благодаря которым осуществляется как образование текста, так и его декодирование. Подчиняясь идейному замыслу писателя, топонимы номинируют какие-либо ключевые локусы в пространственной системе координат текста, обеспечивают текстовую информативность, создают культурно-историческое пространство, эксплицируют скрытые смыслы.

Топонимия художественных текстов И.А. Бунина уже на протяжении многих лет представляет собой объект пристального изучения ученых. Мысль об особой значимости этих единиц для конструирования лексического уровня бунинской прозы и поэзии подтверждается их регулярным использованием в названиях произведений, т.е. начальной, ключевой позиции текста: «В Альпах», «Бретань», «Венеция», «Весной, в Иудее», «В Москве», «Возвращаясь в Рим», «В Париже», «В Сицилии», «Господин из Сан-Франциско», «Кавказ», «На Невском» и др.

Среди лингвистов, уже обращавшихся к вопросу функционирования топонимов в произведениях И.А. Бунина, можно назвать Т.В. Краснову [4; 11], Ю.Т. Листрову-Правду [5], С.М. Мацкевич [6], Т.Ф. Новикову [8], Е.А. Попову [9], С.М. Пронченко [10], О.В. Рудневу [12], А.А. Чеботареву [16], О.В. Четверикову [18] и др. Они интерпретируют и описывают топонимию художественно-эстетической парадигмы писателя в русле самых разных направлений: литературной ономастики, лингвистического краеведения, лингвистики сверхтекста, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии.

Традиционно в художественном наследии Бунина анализу подвергаются два типа топонимов: реальные и литературные. Реальные топонимы номинируют существующие или когда-то существовавшие места, например, *Афины*, *Бабий базар*, *Босфор*, *Венеция*, *Геллеспонт*, *Дон*, *Елец*, *Загреб*, *Ливенская дорога*, *Мертвое море*, *Москва*, *Мучной ряд*, *Каир*, *Назарет*, *Неаполь*, *Нил*, *Стамбул*, *Чернавский погост*, *Эльбурс* и др. Каждый из таких микропонимов может быть «найден и отмечен на географической карте» [11, 149]. Литературные же топонимы специально созданы Буниным по уже имеющимся образцам: *Базарная улица*, *Долгая улица*, *Красный Бугор* и др. Литературная топонимия, накладываясь

на реальную, фактическую, помогает писателю моделировать индивидуально-авторскую картину мира.

Мы полагаем, что в качестве третьего разряда топонимической лексики, функционирующей в бунинских произведениях, следует выделить мифотопонимы. Эти единицы, как и собственно литературные топонимы, не имеют референтов в реальной действительности и обозначают вымышленные локусы. Однако в отличие от литературных топонимов мифотопонимы не созданы Буниным по имеющимся образцам и не являются принадлежностью исключительно его творческого сознания, индивидуально-авторской художественной картины мира. Они отсылают к ключевым точкам пространственно-временного континуума этнических мифов, философско-религиозных учений иудаизма, христианства, ислама, восточнославянского фольклора. Например, мифический остров-государство *Атлантида* (др.-гр. Ἀτλαντίς), упомянутый в бунинском стихотворении «Зов», отмечен, по данным Национального корпуса русского языка, в художественных картинах мира Д.Л. Быкова, В.С. Гроссмана, И.А. Ефремова, А.В. Иванова, В.В. Набокова, В.О. Пелевина, Л.С. Петрушевской, Б.А. Пильняка, Д.И. Рубиной, А.Н. Толстого и многих других отечественных писателей [7].

По своей соотнесенности с мифолого-географическим объектом мифотопонимы в произведениях Бунина делятся на ряд подгрупп:

1) мифомакротопонимы (названия очень крупных по масштабу мифологических территорий, пространств, не ограниченных какими-либо рамками): *Царство Божие*, *Царство Небесное*;

2) мифохоронимы (названия части мифологического пространства, конкретной области): *Ад*, *Джиннат*, *Рай*, *Сакар*, *Пятиградие*. В эту же подгруппу включаем мифомикрохороним *Мистарим* как номинацию тайного убежища Бога [13, 51];

3) мифоинсулонимы (названия мифических островов): *Атлантида*, *Буян*;

4) мифоойконимы (названия мифических селений, в том числе различных городов): *Галгал*, *Гоморра*, *Илион*, *Ирем*, *Небесный Град*, *Содом*;

5) мифооронимы (названия мифических элементов рельефа, у Бунина – низменностей): *Долина Смерти и Огня*, *Долина Огненная*;

6) мифопетронимы (названия мифических камней): *Алатырь*;

7) мифодримонимы (названия мифических лесных участков): *Сад (небесный)*, *Эдем*;

8) мифогидронимы (названия различных мифических водных объектов), включающие мифопотамонимы *Алмазная Река*, *Ковсерь* и мифоокеаноним *Океан*.

По структуре выделенные единицы дифференцируются на однословные (простые) и двух- или трехсловные (составные). Составные мифотопонимы построены по двум моделям: «имя существительное + атрибутивная словоформа, представленная зависимым именем прилагательным в препозиции или постпозиции» и «имя существительное + зависимое сочетание слов, организованное на базе сочинительной связи и имеющее атрибутивное значение». Ср.: *Небесный Град* (первая модель) – *Долина Смерти и Огня* (вторая модель).

При именовании вымышленного локуса Буниным могут использоваться разные структурные варианты мифотопонима: *Град* и *Небесный Град*, *Долина Огненная* и *Огненная*, *Царство Небесное* и *Царство*. В подобных примерах, отмеченных среди мифоойконимов, мифооронимов и мифомакротопонимов, какой-либо из компонентов двухсловной модели (чаще всего с атрибутивным значением) редуцируется.

Продуктивным способом словообразования мифотопонимов текстов Бунина выступает семантическая деривация. Контекстуальные отапеллятивные образования были отмечены и среди простых, и среди составных мифотопонимов. Так, апеллатив *ад*, фиксирующийся в древнерусском языке с XI в. в значении «место, где души грешников после смерти предаются вечным мукам» [17, 28], функционирует в стихотворениях «Мандрагора» и «День гнева. Апокалипсис, VI» как имя собственное:

*Но палач – не убийца: он – исчадие Ада,
И цветок, полный яда, Бог тебе не забудет!*
(«Мандрагора», 1907) [3, т. 2, 33].

Более того, в стихотворении Бунина «День гнева. Апокалипсис, VI» наблюдается процесс межвидовой трансонимизации мифонима *Ад*: из группы мифохоронимов он переходит в группу мифоперсонимов в результате смены виртуального референта, которым выступает уже не преисподняя, а сущность мужского пола, олицетворяющая собой страдания грешников и идущая вслед за Смертью. Подобный вывод подтверждается координацией лексемы *Ад* со спрягаемой глагольной формой в ед. ч., м.р. *идти* со значением 'двигаться, передвигаться, ступая ногами', а также контекстуальным окружением указанного мифонима (мифоперсоним *Смерть*, анафорические местоимения с предлогами *за ней, у ней*, указывающие на *Смерть*):

*И я взглянул: конь бледен,
На нем же мощный всадник – Смерть. И Ад
За нею шел, и власть у ней была...*
(«День гнева. Апокалипсис, VI», 1905) [3, т. 1, 297].

В контекстах выделенные мифотопонимы способны реализовывать парадигматические связи, представленные контекстуальной синонимией и антонимией. Например, контекстуальными синонимами выступают мифооронимы *Долина Смерти и Огня* и *Долина Огненная*, которые появились, очевидно, в художественной картине мира Бунина под влиянием христианской религиозной литературы. Ведь в Библии неоднократно упоминаются различные долины, большие и малые, названные и безымянные: долина Хевронская, долина Есхол, долины Иерихона, долина Мицфы, долина Ахор и др. Образы долин в топографии Писания были связаны не только с идеей плодородия, мира, красоты, но и войны, гибели, опустошения [14]. В художественных текстах писателя, в частности стихотворении «Молчание» (1916 г.), рассказах «Аглая» (1916 г.) и «Роза Иерихона» (1924 г.), виртуальным референтом упомянутых контекстуальных мифооронимов-синонимов становится местность, опустошенная по причине гнева Господня.

Ряды встретившихся нам в текстах Бунина контекстуальных мифотопонимов-синонимов двучленны: *Рай – Джиннат*, *Ад – Сакар*, *Царство Божие – Царство Небесное*, *Сад – Эдем*.

В качестве контекстуальных антонимов из анализируемых единиц можно указать *Рай – Ад*, *Джиннат – Сакар*, которые реализуют так называемую «условную антонимию», связанную не столько с самими именами, сколько с образами, закрепленными за ними [15, 304].

Функции мифотопонимов в индивидуально-авторской картине мира Бунина различны и частично зависят от типа организации художественной речи – проза или поэзия. Поскольку референты мифотопонимов виртуальны, то в прозаических и поэтических текстах эти имена собственные сами по себе не могут служить маркерами основных точек создаваемого писателем географического пространства по горизонтали (страны, города, реки) или вертикали (горные вершины): *Арим, Мекка, Скутари, Геджас, Могреб, Эльбурс* и др. Однако они участвуют в построении пространственно-временного континуума текста опосредованно, путем сравнения, уподобления реальных топосов мифологическим: *Не даром Галату сравнивают с помойной ямой Европы, сравнивают с ... Содомом* («Тень птицы», 1907) [1, 506]; *Не Эдем ли весь Ливан?* («Храм Солнца», 1909) [1, 577];

*Сад в эту ночь – как сад Ирема.
И сладострастна, и бледна,
Как в шакнизир, тайник гарема,
В узор ветвей глядит луна.*

(«Розы Ширази», 1906) [3, т. 2, 28].

Взаимодействуя с реальными топонимами, мифотопонимы формируют описания различных локусов «в определенный момент исторического времени» [18, 225]: *В великом покое вековой тишины и забвения лежали перед нами ее палестины – доли Галилеи, холмы иудейские, соль и жупел **Пятиградия*** («Роза Иерихона», 1930) [2, с. 166];

*Все дико и прекрасно, как в Эдеме:
Торчат шипы акаций, защищая
Узорную нежнейшую листву,
Цветами рдеют кактусы...*

(«Цейлон», 1916) [3, т. 2, 145].

В поэтических текстах мифотопонимы как прямые отсылки к известным мифологическим и философско-религиозным сюжетам разрушают пространственную и горизонталь, и вертикаль. Они соединяют земное с небесным, историческое с вечным, вневременным:

*А там течет, там льется за туманом
Река всех рек, лазурная Ковсерь,
И всей земле, всем племенам и странам
Сулит покой. Терпи, молись – и верь.*

(«Ковсерь», <1903–1905>) [3, т. 1, 274].

Известно, что отдельные реальные топонимы в бунинской прозе выступают не только инструментами создания пространственно-временного континуума конкретного текста или группы текстов, но и средствами конструирования «мощного художественного образа» [8, 58]. К таковым, например, относят топоним *Суходол*, именующий село в Краснинском районе Липецкой области и выступающий регионально и национально маркированной языковой единицей [8, 58], или топоним *Елец*, обладающий особой культурной значимостью в силу группировки вокруг него значительного количества национально-прецедентных текстов [9, 270]. Для мифотопонимов, аккумулирующих культурно-символические, историко-философские, мировоззренческие смыслы, сформулированное выше положение является практически аксиомой. Например, мифотопонимы *Ковсерь* и *Алмазная Река* в стихотворениях «Ковсерь» и «Ночь Аль-Кафра» становятся знаками бесконечности, откровения и несокрушимости веры; мифотопоним *Атлантида* в стихотворении «Зов» вырастает в символ мистического будущего; мифотопоним *Джиннат* в стихотворениях «Ковсерь» и «Черный камень Каабы» – маркером благодати, вечного блаженства; а мифотопоним *Эдем* в рассказах «Пустыня дьявола» и «Храм Солнца» – символом тоски и безутешного плача по потерянному раю. Например: *На этой «середине пути», который считался путем в преисподнюю, плакал сам прародитель, лишенный Эдема...* («Пустыня дьявола», 1909) [1, 565];

*Ночь Аль-Кафра. По темным горным склонам
Еще спускаются, слоятся облака.
Пел муэzzин. Перед Великим Троном
Уже течет, дымясь, Алмазная Река.*

(«Ночь Аль-Кафра», 1906) [3, т. 2, 8].

В прозаических текстах, в отличие от поэтических, мифотопонимы, будучи связаны с антропонимами, выполняют специфическую функцию создания образа и характера персонажа. Например, описывая быт сестер Анны и Катерины в рассказе «Аглая», Бунин

акцентирует внимание читателя-интерпретатора на увлечении Анны религиозной литературой, что впоследствии влияет на ее решение принять монашеский постриг: *Так и узнала Анна о девах и юношах, растерзанных дикими зверьми на ристалищах, ... трудах Саввы освященного, обитавшего в Долине Огненной, и о многих, многих, горькие дни* («Аглая», 1916) [2, 101].

В поэтических текстах Бунина как текстах концептуально, идейно более концентрированных по сравнению с прозаическими в силу небольшого объема, ритмической формы, своеобразного отбора лексики и синтаксических структур мифотопонимы регулярно выступают языковыми единицами создания мировоззренческой индивидуально-авторской сетки координат. Например, мифохоронимы, мифодримонимы, мифооиконимы, мифопотамонимы становятся репрезентантами бинарной пространственно-онтологической оппозиции «рай – ад», последовательно реализуемой Буниным-поэтом в противопоставленных диадах «праведность – нечестивость» и «блаженство – мучения». Если мифотопонимы *Джиннат*, *Рай*, *Ирем*, *Эдем*, *Алмазная Река*, *Ковсерь* вербализуют левого члена указанных диад, то *Ад*, *Сакар*, *Содом* – правого.

Проведенный анализ группы мифотопонимов в художественных текстах Бунина приводит нас к нескольким выводам:

- 1) семантической и структурной дифференцированности мифотопонимов. По семантике среди мифотопонимов обнаруживаем мифомакротопонимы, мифохоронимы, мифоинсулонимы, мифооиконимы, мифооронимы, мифопетронимы, мифодримонимы, мифогидронимы. По структуре отмечены только два типа – простые и составные;
- 2) упорядоченности выделенных семантических групп в единую систему отношениями контекстуальной синонимии и антонимии;
- 3) полифункциональности мифотопонимов в художественной картине мира Бунина и частичной зависимостью функций мифотопонимов от типа организации художественной речи.

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Повести и рассказы 1907–1914. М., 1987.

2. Бунин И.А. Собр. соч. в 6 т. Т. 4. Произведения 1914–1931. М., 1988.

3. Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб., 2014.

4. Краснова Т.В. Российская топонимия в художественной прозе И.А. Бунина. Елец, 2005.

5. Листрова-Правда Ю.Т. Собственные имена (топонимы) в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» («русскость» писателя) // Язык и национальное сознание. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2011. С. 53–59.

6. Мацкевич С.М. Средства объективации концептуального признака «ПРОСТРАНСТВО» в лирическом цикле И.А. Бунина «Ислам» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2014. № 6. С. 63–67.

7. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 2.06.2023).

8. Новикова Т.Ф. Национально-маркированная лексика в бунинских текстах // Елец в историко-культурном пространстве России. Сб. научных трудов. Елец, 2016. С. 53–59.

9. Попова Е.А. Елецкий текст русской литературы: языковая специфика // 80-летие елецкой филологии. Материалы Международной научной конференции. Елец, 2019. С. 268–279.

10. Пронченко С.М. Имена собственные в стихотворениях И.А. Бунина: системный подход (к 145-летию со дня рождения писателя) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 260–267.

11. Сергеева Г.Н., Краснова Т.В. Топонимы в произведениях И.А. Бунина. К 140-летию И.А. Бунина (1870–1953) // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек в современном мире. 2010. № 1. С. 148–154.

12. Руднева О.В. Концептуализация пейзажа в малой прозе И.А. Бунина (лингвостилистический аспект): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Сургут, 2007.

13. Селеменова О.А., Бородин Н.А. Мифологические имена в поэзии И.А. Бунина: монография. Елец, 2022.

14. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана; пер.: Скороходов Б.А., Рыбакова О.А. СПб., 2005. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/206> (дата обращения: 3.06.2023).
15. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
16. Чеботарева А.А. Топонимы как знаки жизненного пути в прозе И.А. Бунина // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Белгород, 2020. С. 220–223.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1: А – Пантомима. М., 1999.
18. Четверикова О.В., Алексеева М.А. Языковая экспликация концепта ПРОСТРАНСТВО в поэтической модели мира Ивана Бунина // Слово и текст: теория и практика коммуникации. Сб. научно-методических трудов. Армавир, 2021. С. 254–259.